

чашая сапоги сами о себе с великою прудкостью и силою сыматися, и не точию голенищам трещати, но и костем Стефановым трескотати. Он же велиим гласом нача вопити». Стефан прогоняет демона, «сапоги же обретошася в непристойном месте, идеже человецы истребляются».¹³

Ничего подобного нет в польском тексте.

Как и в первом рассказе, мы видим здесь явное стремление к литературной обработке рассказа. Автор пытается оправдать поведение героя, обставляет рассказ живыми подробностями, придает ему русский колорит (дело идет не о ремнях на обуви, а о русских сапогах с голенищами).

Еще большей переработке, несомненно, подвергались новеллы, попадающие в сборники, где они приспособлялись к содержанию данного сборника, к вкусам среды, для которой он составлялся, приобретали характерные черты той местности, где бывовал сборник. Такова обработка в украинских сборниках легенды о церковнице Беатрике.

Дальнейшая работа над списками «Великого Зерцала» и их сличение с польским изданием дадут возможность проверить эти наблюдения и установить более точно, как работали русские переводчики, что именно они выбирали из переводных сюжетов, вошедших в сборник, и в каком направлении их обрабатывали.

Очень большую работу придется провести по изучению содержания «Великого Зерцала». Содержание сборника очень богато и разнообразно. Мы находим здесь огромное количество сюжетов, заимствованных из разных источников и приспособленных оо. иезуитами для нужных им назидательных целей. Многие рассказы здесь носят узко церковный характер, но даже если их окажется половина, то из общего количества 850—870 рассказов, которые входят в полные списки «Зерцала», остается еще более чем достаточное количество материала для литературно-исторического исследования. Здесь имеются сказки о животных, бытовые повести, рассказы с ярко выраженным фольклорным колоритом или с элементами сатиры, обличения пороков общества. Именно в этой своей части «Зерцало» смыкается с другими переводными сборниками повествовательной литературы. Таким образом, изучая содержание сборника, как и в других случаях, неминуемо придется коснуться вопроса о распространении у нас переводной новеллы вообще и привлечь к исследованию другие сборники. С другой стороны, некоторые рассказы «Зерцала» восходят к легендам патериков, к которым и отсылают читателя составители, поэтому исследователю придется обратиться к патерикам и другим подобным сборникам и выяснить, что откуда было заимствовано составителями «Зерцала» и как было использовано.

Легенды «Зерцала», как и других сборников переводной новеллы, должны рассматриваться в связи с современной их появлению оригинальной литературой. Социальные мотивы и сатирические зарисовки, которые мы здесь находим, имеют непосредственное отношение к русской жизни XVII—XVIII вв. и приобретают в глазах читателя часто особо острый и глубоко злободневный смысл. В свете этого читательского восприятия мы и должны рассматривать содержание большей части новелл сборника.

Необходимо также коснуться и художественной стороны рассказов, проанализировать их язык и художественные средства, выявить элементы церковные, светские, фольклорные.

Очень важным этапом работы должно быть выяснение влияния новелл

¹³ Там же, л. 43 об., рассказ 47.